

даеть говорить о разсказѣ, такъ это только желаніе сказать, что трактовать такъ легкомысленно, неуважительно, кощунственно объ Архистратигѣ Небесныхъ Воинствъ, предъ которымъ благоговѣть, котораго такъ чтить и прославляетъ святая Церковь, есть преступленіе предъ Богомъ,—преступленіе тѣмъ болѣе великое и непростительное, что трактуеть не какой-нибудь одурѣвшій отъ пьянства деревенскій скоморохъ, или балаганный шутъ, а высокообразованный, *геніальнымъ* называемый, русскій литераторъ! Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе сказки: прогнѣвалъ Архангелъ Михаилъ Бога тѣмъ, что не вынулъ, по Его повелѣнію, душу изъ родильницы, и за то былъ наказанъ Богомъ: у него отпали крылья, онъ упалъ на землю и сталъ человѣкомъ, ѣлъ и пилъ, какъ и мы грѣшныя (воплотился, стало-быть, онъ! Не есть ли это, вмѣстѣ съ тѣмъ, худа и насмѣшка—и надъ воплотившимся Словомъ Божиимъ?)... Замерзавшаго отъ стужи Архангела (каково!) одѣлъ, согрѣлъ, пріютилъ у себя пьяница-сапожникъ, у котораго затѣмъ онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ, научился шить сапоги, и шилъ ихъ отлично; а потомъ у Архангела снова явились крылья и онъ улетѣлъ на небо, узнавъ здѣсь, на землѣ, какія-то три слова, которыхъ прежде не зналъ (о безумный, хульный языкъ!).)

Тенденція басни ясно видится, краснорѣчиво сказывается въ самомъ ея заглавіи: «Чѣмъ люди живы?» Люди—де живы, проповѣдуетъ графъ Толстой, *одною любовью*, а потому (читай между строкъ) по-боку Церковь и всѣ ея учрежденія и постановленія, какъ ненужную ветошь! Графъ Толстой является, такимъ образомъ, повтореніемъ извѣстнаго Пашкова, какъ-бы оборотною стороною одной и той-же медали... «Увѣруй въ Бога—и ты спасенъ!»—учить еретикъ Пашковъ: это лицевая сторона медали... «Полюби ближняго—и ты живъ будешь во-вѣки!»—проповѣдуетъ графъ Толстой: это оборотная сторона той-же медали... Ни малѣй-